

Переселеніе духоборовъ въ Америку.

Въ официальномъ органѣ „Кавказъ“ была помѣщена слѣдующая телеграмма отъ 12 декабря прошлаго года: „Сегодня черезъ Александрополь и Акстафу прослѣдовали въ Батумъ 650 карскихъ духоборовъ-постниковъ. Остальные 2.250 духоборовъ, по возвращеніи изъ Акстафы фургоновъ и лошадей, распродадутъ ихъ и также стправятся въ Канаду. Зафрахтованъ уже пароходъ за 61 тыс. рублей... Необычайное переселеніе всюду производитъ удручающее впечатлѣніе“.

„Послѣдняя партія духоборовъ,—читаемъ мы затѣмъ,— уходитъ изъ Карской области весною. Кунецъ армянинъ и нѣсколько другихъ армянъ подали заявленіе объ арендованіи ихъ земель (тридцать тыс. десятинъ)“ („Нов. Вр.“).

Такимъ образомъ послѣдніе расчеты удаляющихся духоборовъ съ родиной къ веснѣ будутъ покончены. Но уже январь мѣсяцъ нынѣшняго года несетъ намъ извѣстіе съ другой стороны: къ концу декабря духоборы были уже въ Англии, а 8-го января, по свѣдѣніямъ „Times'a“, пароходъ „Lake Huron“ съ русскими духоборами, въ числѣ 2.296 человекъ, присталъ къ берегамъ Канады. Другая партія въ 2 тысячи человекъ ожидалась черезъ недѣлю. „Канадское правительство,—сообщалось въ телеграммахъ,—сдѣлало обширныя приготовленія для принятія и содержанія переселенцевъ, пока можно будетъ устроить ихъ на новыхъ земляхъ“. 13 (25) января „Таймсу“ телеграфировали изъ Оттавы, что „черезъ этотъ городъ прошли 5 специальныхъ поѣздовъ съ духоборами. Дамы-благотворительницы угощали дѣтей пряниками и фруктами“...

Эти извѣстія открываютъ новую страницу въ исторіи русскихъ переселеній вообще. До сихъ поръ главныя теченія на-

шихъ переселеній направлялись на востокъ, въ „пустынные мѣста“ Сибири, и на юго-западъ, въ придунайскія степи и плавни. Русскія поселенія старообрядцевъ и сектантовъ можно было встрѣтить въ Галичинѣ и Буковинѣ, въ Румыніи, Добруджѣ и Турціи, куда наши разновѣрцы уходили изъ стари, когда еще эти мѣста тоже можно было считать „пустынными“. И при томъ, эти поселенія русскихъ выходцевъ жались всетаки невдалекѣ отъ родной границы. Въ Америку переселялись въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ поляки, частью латыши. 80-е и начало 90-хъ годовъ доставили Новому Свѣту значительныя массы русскихъ евреевъ, и теперь стоитъ вамъ пройти по нѣкоторымъ улицамъ Нью-Йорка или по State-street въ Чикаго, разговаривая съ кѣмъ-нибудь по русски,—чтобы васъ десятки разъ остановили русскими же восклицаніями земляки-евреи. Но это всетаки русскіе инородцы. Въ 70-хъ годахъ одинъ туристъ писалъ изъ Америки о цѣломъ поселкѣ чисто уже русскихъ людей на дальнемъ Западѣ. Это были, будто бы, бѣглецы изъ Сибири, основавшіе патріархальную общину, съ какимъ-то „Дѣдомъ“, бывшимъ каторжникомъ, во главѣ. Авторъ рассказывалъ много чудеснаго объ этой общинѣ, но, къ сожалѣнію, впоследствии никто не могъ разыскать въ Америкѣ этого оригинальнаго поселка. Такимъ образомъ въ лицѣ духоборовъ чисто русское племя открываетъ дѣйствительно новую страницу колонизаціи: пассажиры „Lake Nipon“ впервые еще оставляютъ между собой и родиной цѣлый материкъ съ огромнымъ океаномъ и пускаются со своей „вѣрой“ и своими исканіями, въ своихъ кумачевыхъ рубахахъ и сарафанахъ и въ своихъ синихъ кафтанахъ—въ самое сердце „новаго свѣта“, съ его совершенно незнакомымъ религіознымъ броженіемъ и общественно-политическимъ укладомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ русскому туристу въ Америкѣ будетъ предстоять чрезвычайно любопытная поѣздка въ духоборческія поселенія. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ время уже рѣшитъ вопросъ: останется ли въ Новомъ Свѣтѣ русская рѣчь и отличительныя черты русскаго племени, можетъ быть, даже окрѣпнуть,—за первыми партіями послѣдуютъ другія, и зерно станетъ разрастаться на новой почвѣ,—или, наоборотъ, и русская рѣчь, и русскіе племенные признаки исчезнутъ въ англосаксонскомъ потокѣ...

А пока, далеко, конечно, не претендуя на полноту изложенія, мы постараемся занести въ нашу хронику тѣ черты этого несомнѣннаго историческаго факта, которыя остались уже позади.

Возникновение духоборческой секты относятъ къ 1740 году, приписывая начало ея какому-то иностранцу квакеру. Несомнѣнно, однако, что элементы этого броженія можно прослѣдить и значительно ранѣе, уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда Матвѣй Башкинъ, явившись къ московскому Благовѣщенскому попу Симеону и назвавъ себя „христіаниномъ“, сталъ задавать „недоумѣнные вопросы“, по поводу которыхъ простодушный священникъ Симеонъ счелъ необходимымъ написать цѣлую „жалобницу“, дабы за нечестіе сего духовнаго чада ему самому какъ-нибудь не пришлось къ отвѣту. Башкина и его послѣдователей судили и осудили на соборѣ: очевидно, однако, что раціоналистическія идеи бродили уже въ то время и съ тѣхъ поръ проявлялись въ разныхъ видахъ, не сознавая еще своей преемственной связи. Порой духоборовъ сближали съ молоканами, порой даже съ хлыстами; послѣднее произошло вѣроятно потому, что первоначальные приступы сильнаго религіознаго увлеченія во многихъ сектахъ сказываются одинаковыми проявленіями горячаго, почти горячечнаго энтузіазма, выражающагося въ болѣе или менѣе изступленныхъ „радѣніяхъ“ и „наитіяхъ“. Современемъ, однако, духоборчество опредѣлилось, какъ секта несомнѣнно и чисто раціоналистическая. Очень характерно, что духоборы встрѣчались всегда съ нѣкоторыми однородными теченіями среди интеллигенціи: имъ сочувствовали наши масоны, а извѣстный самобытный странникъ-философъ Григорій Саввичъ Сковорода составилъ даже особый катехизисъ: „Исповѣданіе вѣры духоборовъ екатеринославскихъ“, который былъ представленъ губернатору, какъ признанное самими духоборами исповѣданіе. По предложенію Д. В. Лопухина духоборамъ отведено было поселеніе на берегахъ р. Молочной (въ Мелитоп. уѣздѣ), но въ 1837 году послѣдовалъ указъ о новомъ переселеніи ихъ на Кавказъ. Въ 1841 году переселеніе это уже совершилось.

Здѣсь духоборамъ были отведены мѣста въ бывшемъ Ахалцхскомъ пашалыкѣ, недавно отвоеванномъ у турокъ (Ахалкалакскій уѣздъ), на чрезвычайно возвышенномъ плато (до 6 тысячъ фут. надъ уровнемъ моря), въ мѣстности волнистой, совершенно безлѣсной и суровой. Зимы здѣсь долги и вѣтрены, лѣто короткое, съ ранними заморозками, сильно мѣшающими земледѣлю, но по склонамъ—прекрасныя пастбища, что и опредѣлило главное занятіе поселенцевъ. 8 духоборческихъ слободъ, съ 6.600 жителей обоого пола, явились первыми русскими поселеніями въ этомъ суровомъ краю. Сначала духоборамъ было очень трудно, но они скоро при-

мѣнились къ условіямъ и совершенно покорили дикую природу. Эта борьба выработала въ ихъ средѣ желѣзную волю и необыкновенную силу характера, которая сказались и въ послѣднемъ эпизодѣ ихъ выселенія. Вскорѣ на склонахъ дикихъ горъ размножились ихъ стада, и благосостояніе ихъ сильно возросло. „У каждой духоборческой семьи,—писалъ очевидецъ *),—есть по нѣскольку десятковъ крупнаго и мелкаго скота, у богачей же ходятъ цѣлые косяки лошадей и овецъ“. За пятьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ переселенія, они подняли культуру этой дикой мѣстности, развели свою породу скота, называемую и теперь „духоборческой“, провели по склонамъ дороги, и скорѣ всѣ торговныя сношенія въ прилегающихъ мѣстностяхъ велись почти исключительно духоборческимъ транспортомъ. Въ 1877 г. они оказали значительныя услуги нашей арміи перевозкой припасовъ и отрядовъ. „Духоборческое общество,—писалъ г. Словинскій,—на своихъ подводахъ доставило бесплатно за нѣсколько сотъ верстъ, въ разгаръ войны, на театръ военныхъ дѣйствій „всю московскую дивизію“. Вообще духоборы наложили собственную печать на всю занятую ими мѣстность, которая получила даже оффиціальное названіе Духоборіи.

Жизнь этой религіозной общины сложилась въ высшей степени своеобразно. Съ одной стороны, будучи удалены отъ прежнихъ гражданскихъ условій и отъ прежней среды, гдѣ ихъ отцы, отличаясь религіозными взглядами, тѣмъ не менѣе жили одной жизнію со своими сосѣдями,—духоборы сложили свою собственную, крѣпко сплоченную общину, гдѣ ихъ религіознымъ понятіямъ предоставлялся полный просторъ. Но, съ другой стороны, порывалась всякая связь съ общегражданскимъ строемъ всей остальной Россіи. Это обусловило чрезвычайную крѣпость внутренней ихъ связи и чрезвычайную неустойчивость правового положенія всей общины въ ея, такъ сказать, внѣшнихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ.

Такимъ образомъ на одномъ изъ горныхъ плато Кавказа, высоко надъ уровнемъ моря, гдѣ нѣкогда сидѣли, точно въ орлиныхъ гнѣздахъ, отдѣльныя кавказскія племена, не сливавшіяся другъ съ другомъ въ теченіе ряда столѣтій,—теперь засѣло такое же какъ бы особое русское племя, со своими особыми нравами. Суровая жизнь и горный воздухъ закалили ихъ и выработали въ племя замѣчательно крѣпкое и выносливое въ физическомъ отношеніи. Всѣ источники едино-

*) Г. Словинскій, писавшій о броженіи въ духоборческой средѣ. См. „Биржев. Вѣдомости“ 1895 и 1896 гг.

гласно указываютъ также на высокій уровень ихъ нравственности. „Взаимныя отношенія духоборовъ, — пишетъ о нихъ изслѣдователь, г. Вермишевъ, — отличаются замѣчательною чистотою и безкорыстіемъ“. Никогда духоборъ съ духобора не беретъ процентовъ за заемъ. Прежде вообще всякій процентъ считался у нихъ грѣхомъ, — и хотя въ послѣдствіи стали брать проценты съ не-духоборовъ, но и эти проценты всегда стояли вдвое ниже средняго для Ахалкалакскаго уѣзда. Этотъ взглядъ, а также широко развитое чувство взаимности и общественная помощь совершенно исключили возможность кулачества и ростовщичества въ духоборческой средѣ. „У духоборовъ, — писалъ другой авторъ *), — нѣтъ совсѣмъ нищихъ, а также преступленій противъ собственности, и отношенія между богатыми и бѣдными не носятъ враждебнаго характера“, — что объясняется производительностью труда и отсутствіемъ эксплуатаціи. „На сходкахъ свобода мнѣній богачами никогда не подавляется и, кромѣ того, духоборы принимали мѣры, чтобы разница между богатыми и бѣдными не была слишкомъ велика“. Въ четырехъ ихъ селеніяхъ была даже опредѣлена норма скота, больше которой домъ не имѣетъ права держать на общественномъ пастбищѣ. При этомъ, духоборы, по словамъ того же автора, — индивидуалисты: каждый изъ нихъ стремится къ экономической независимости, семейные раздѣлы у нихъ часты, производительныя товарищества не привились. Торговлей они занимались мало. Главнымъ занятіемъ ихъ были скотоводство и извозъ, поставленные превосходно.

Въ основу своихъ религіозныхъ понятій они ставятъ трудъ и поклоненіе Богу „духомъ, просвѣщаемымъ словомъ Божиимъ“. Священство и обрядовая сторона отрицаются совершенно. Въ молитвенныхъ домахъ они собираются лишь для чтенія и пѣнія псалмовъ, заучиваемыхъ съ дѣтства. Послѣ пѣнія и чтенія духоборы кланяются другъ другу и цѣлуются — мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами. Дѣти кланяются взрослымъ въ ноги и цѣлуютъ у нихъ руки. Евангеліе читаютъ только въ частныхъ собраніяхъ. Бракъ признается учрежденіемъ общественнымъ: заявленіе родителямъ, свадебный пиръ и затѣмъ записка въ книгу. Разводъ свободенъ, но случаи его рѣдки. Незаконныя дѣти пользуются одинаковыми правами наслѣдства, какъ и законныя, и за соблазнъ дѣвушекъ отвѣтственными считаются мужчины. Судятъ старики, которые сначала склоняютъ спорящихъ къ миру. Наказанія — первые два раза внушеніе, въ третій разъ — розги

*) См. „Русскія Вѣдомости“ 4 сент. 1895 г.

и заключеніе въ холодную. Въ этомъ отношеніи, вообще, нравы духоборовъ довольно суровы.

Таковы внутренніе распорядки своеобразной общины, расцвѣтшей въ гористой Духоборіи. Они приобрѣли духоборамъ чрезвычайное уваженіе окружающихъ жителей. Что же касается до ея гражданской стороны и до ея отношеній къ окружающему мру, то они были не менѣе своеобразны и чрезвычайно примитивны.

Вся община представляла патріархальную единицу, управляемую однимъ лицомъ. До 1887 года такимъ лицомъ являлась Лукерья Васильевна Калмыкова. Источникъ этой странной власти пока еще, кажется, остается невыясненнымъ. Нѣкоторые авторы называютъ Калмыкову духоборческой „богиней“, что, кажется, не имѣетъ никакого основанія, а г. Словинскій пишетъ, что фамилія Калмыковыхъ считается „княжеской духоборческой фамиліей, и съ самаго водворенія на Кавказѣ Калмыковы не только являлись руководителями духоборовъ, но и господствовали надъ ними“. Какъ бы ни было, Лукерья Васильевна Калмыкова являлась внутри общины настоящей владѣтельной княгиней, правившей безконтрольно. Повидимому, она не вмѣшивалась во внутренніе распорядки отдѣльныхъ селеній, но за то единолично распоряжалась огромными суммами, собираемыми съ общества, и вела всѣ внѣшнія сношенія съ мѣстной администраціей. Кромѣ разныхъ пожертвованій, каждый духоборъ обязанъ былъ отдавать значительную долю всякаго своего заработка деньгами и натурой, и все это поступало въ полное распоряженіе Лукерьи Васильевны*). Она жила очень широко, даже роскошно, устраивала пышные приемы чиновнымъ посетителямъ и завѣдывала благотворительными дѣлами. Ею былъ построенъ обширный пріютъ для хилыхъ, стариковъ и сиротъ; она даже помогала въ случаяхъ пожаровъ, падежа скота и другихъ несчастій. Кромѣ того, въ ея рукахъ, за всѣми этими расходами, оставались значительныя общественныя суммы. По мнѣнію самихъ духоборовъ, это были милліоны, г. Словинскій полагаетъ, что суммы эти простирались до 200 тысячъ.

Лукерья Васильевна служила такимъ образомъ верховной главой и единственной нитью, связывавшей духоборческую общину съ внѣшнимъ міромъ. Понятно, какъ несовершенно было это „гражданское устройство“ и какъ тонка эта нить.

---

*) По одному извѣстію — этотъ налогъ составлялъ $\frac{1}{10}$ часть всякаго заработка.

Никакого живого обмѣна между окружающимъ гражданскимъ міромъ и общиной не существовало; духоборы жили точно на какомъ-то островѣ, со своими взглядами и своими нравами. Во всемъ остальномъ они полагались на Лукерью Васильевну. Внѣшнее благосостояніе прикрывало для нихъ опасность этого положенія, и община жила, какъ говорится, точно у Христа за пазухой. Наблюдатели ихъ жизни въ этотъ періодъ, отмѣчая единогласно трудолюбіе, честность, добродушіе и личныя качества духоборовъ,—свидѣтельствуютъ, однако, и объ общественной ихъ косности и застоѣ. *Ни въ одномъ духоборческомъ селеніи не было школы, и на всѣ предложенія по этому поводу духоборы отвѣчали отказомъ* *). Г. Вермишевъ полагаетъ, что „духоборы понимаютъ всѣ преимущества „настоящаго образованія“, но боятся поверхностнаго знанія, которое развиваетъ неповиновеніе старшимъ и стремленіе къ празднои жизни“. Это, къ сожалѣнію, обычная аргументація всѣхъ противниковъ просвѣщенія, которое, однако, никогда не можетъ стать сразу „полнымъ“ и „настоящимъ“ и нигдѣ не оправдывало въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ этихъ опасеній. По словамъ другихъ наблюдателей, духоборческая молодежь жадно стремится къ грамотѣ. Очень можетъ быть, что „старикамъ“ пришлось бы современемъ уступить, и тогда началась бы, безъ сомнѣнія, совершенно другая исторія духоборческой общины, но пока почти сплошная безграмотность составляла отрицательную черту духоборческой общины. Даже молитвы и псалмы они всѣ заучивали только наизусть; суевѣріе въ ихъ средѣ очень сильно: лѣчатся на шептываніемъ, перевязываніемъ черными нитками и т. д. Въ отношеніи религіозномъ 12 лѣтъ назадъ г. Вермишевъ отмѣчалъ тоже чрезвычайную неподвижность. „То, что имъ завѣщено предками, почитается ими, по крайней мѣрѣ на словахъ, за святыню, и никакихъ отступленій отъ этого завѣта отцовъ они не допускаютъ. Ни одной новой мысли, ни одной живой струи, освѣжающей религіозную атмосферу духоборской общины“.

Въ такомъ положеніи застала общину смерть Лукерьи Васильевны Калмыковой (15 декабря 1886 г.). Съ этимъ событіемъ все измѣняется. Слабая связь, на которой ковчегъ общины держался надъ остальнымъ міромъ, обрывается разомъ, и неустойчивость ея гражданского положенія, покоившагося на авторитетно-патріархальныхъ началахъ,—обнаруживается во всей силѣ.

*) Впослѣдствіи это сказалось самымъ печальнымъ образомъ въ Америкѣ.

Дѣло прежде всего началось съ вопроса о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти „духоборческой княгини“. Никто, конечно, не могъ сомнѣваться, что по существу—все это достояніе духоборческаго общества, составившееся изъ пожертвованій и даже налоговъ, которыми общину облагала Калмыкова. Но такъ какъ, по закону, сектанты не могутъ устраивать складокъ и сборовъ, —то на языкъ гражданскаго уложенія оно носить названіе „наслѣдства послѣ Лукерьи Калмыковой“, со всеми послѣдствіями такой квалификаціи. Сама Калмыкова и не подумала о томъ, чтобы обставить свое „наслѣдство“ тѣми или другими законными нормами. При жизни она думала за всю общину, принимала „чиновныхъ лицъ“, отводила отъ своихъ „дѣтушекъ“ грозившія имъ напасти посредствомъ извѣстныхъ исконныхъ способовъ россійской обывательской дипломатіи, вообще стояла между „грѣшнымъ“ міромъ и общиной, которая во всемъ полагалась на нее, нисколько, повидимому, не заботясь о томъ, кто станетъ на ея мѣсто и какъ стануть справляться ея „дѣтушки“ послѣ ея смерти. Давно уже сказано, что русскій народъ—не политикъ.

Само собою разумѣется, что, какъ только открылось „наслѣдство“, такъ явились и „наслѣдники“, готовые воспользоваться своимъ формальнымъ правомъ. У Лукерьи Васильевны оказался братъ, нѣкто Губановъ, который и предъявилъ свои права. Онъ нашелъ дѣятельныхъ приверженцевъ. Духоборы утверждаютъ, что вначалѣ никто не предъявлялъ спора, и права общества были скрѣплены какой-то бумагой, съ приложеніемъ печати старосты Зубкова *). Но всѣ эти толки, повидимому, отмѣчены тѣмъ полумистическимъ представленіемъ о назначеніи всякихъ „бумагъ съ печатами“, которое такъ характерно для безпомощнаго и безграмотнаго русскаго человѣка. Да и эта „бумага“ вскорѣ куда-то исчезла, староста Зубковъ принялъ сторону Губанова, и община очутилась передъ лицомъ формальнаго права, совершенно невооруженная для борьбы. На сторонѣ же наслѣдника стоялъ уѣздный начальникъ Дьячковъ-Тарасовъ, уличенный впослѣдствіи въ многочисленныхъ злоупотребленіяхъ.

На мѣсто Калмыковой былъ избранъ духоборами Петръ Веригинъ, молодой и необразованный духоборъ, который, конечно, совершенно растерялся передъ трудностью задачи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ обществѣ произошло раздѣленіе. Мы не знаемъ подробностей самаго процесса, который обще-

*) „Нов. Вр.“ и „Нижегор. Лист.“ 1895, № 255.

ство вело съ „наслѣдниками“. Извѣстно только, что формальныя права Губанова, основанныя на указанномъ выше законѣ, были признаны судомъ, и онъ вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ.

Тогда въ общинѣ начались беспорядки и рядъ „сопротивленій“. Духоборія вся глубоко всколыхнулась, и броженіе вышло даже за ея предѣлы, такъ какъ къ тому времени поселенія духоборовъ распространились и по сосѣднимъ уѣздамъ. Приверженцы правъ общества, стоявшіе за своего избранника, Петра Веригина, приняли почему-то названіе „писанныхъ“ (вѣроятно, подписавшихъ его выборъ или какое-нибудь заявленіе), противники называются „неписанными“.

Съ этихъ поръ волненія въ Духоборіи стали обращать на себя общее вниманіе. Въ газетахъ то и дѣло появляются извѣстія о беспорядкахъ и даже сопротивленіи власти со стороны „писанныхъ“ духоборовъ. Петръ Веригинъ, какъ одна изъ „причинъ“ броженія, былъ сосланъ въ Колу; эта высылка ничему, конечно, не помогла. Молодой духоборъ явился „мученикомъ“, и въ Колу начались настоящія паломничества*). Простодушные приверженцы ждали отъ Веригина помощи и указаній, но онъ самъ жилъ въ мірѣ все болѣе экзальтировавшихся чисто религіозныхъ представленій, и его распоряженія не имѣли, повидимому, прямого отношенія къ тому, что совершалось. Повременамъ онъ обѣщаль переселить всѣхъ духоборовъ въ Архангельскую губернію, иногда присылалъ деньги, иногда требовалъ самъ значительныя суммы, которыя, вѣроятно, уходили болѣе или менѣе фантастическимъ образомъ**). Все это, вмѣстѣ съ непонятнымъ для массы исходомъ процесса, подымало недовольство. Веригинцы отказывались отъ уплаты жалованья замѣстителямъ сосланнаго Веригина, говоря, что „они имъ не нужны“. Когда же съ нихъ взыскивали по исполнительнымъ листамъ, они „противились“. Сопротивленіе это принимало порой очень оригинальныя формы: толпа, сгрудившись, противопоставляла стражникамъ пассивное сопротивленіе массы человѣческихъ тѣлъ***).

Между тѣмъ и религіозное настроеніе, „застоявшееся“, по словамъ г. Вермишева, въ годы спокойствія и довольства,—

---

*) Когда эти паломничества были воспрещены, то оказалось, что Дьячковъ-Тарасовъ всетаки выдавалъ паспорта въ Колу, взявая за нихъ 300—400 р. („Биржев. Вѣд.“ 1896 г., № 8).

***) „Биржев. Вѣд.“ 1896 г., № 29.

****) См. „Биржев. Вѣд.“ 15 окт. 1896 г. Дѣло о сопротивленіи суд. прпставу Теръ-Азареву.

приходило въ броженіе и фанатизировалось. Однимъ изъ положеній духоборчества съ давнихъ поръ считалось также отрицаніе присяги и военной службы. Уже въ царствованіе императора Александра I, въ общемъ относившагося къ духоборамъ довольно благосклонно, предписывались строгія мѣры за отказъ отъ солдатчины; въ 1825 году еще разъ было подтверждено, что духоборы не избавлены отъ рекрутчины, и за отказъ повелѣно предавать ихъ суду. Въ царствованіе императора Николая I правительство тоже не разъ особыми указами пыталось регулировать эту сторону духоборческаго ученія, устанавливая, напр., права духоборовъ по зачету рекрутскихъ квитанцій и найму охотниковъ. Такъ, послѣ переселенія ихъ на Кавказъ, имъ было дозволено нанимать за себя охотниковъ изъ мусульманъ, но потомъ это право было отмѣнено, и духоборамъ предоставлено нанимать охотниковъ только въ своей средѣ*). Въ сороковыхъ годахъ было установлено, что духоборы не могутъ покупать рекрутскихъ квитанцій, если таковыя первоначально были выданы не духобору. Это распоряженіе отмѣнено въ 1863 г.

Уже изъ этого видно, что отказъ отъ военной службы въ духоборческой средѣ обращалъ на себя вниманіе задолго до послѣдняго броженія и, значитъ, нѣтъ основанія приписывать его вліянію разныхъ новѣйшихъ теченій въ интеллигентной средѣ. Въ годы спокойной жизни духоборческой общины печать компромисса легла на эту сторону ученія, и злополучное „дѣло о наслѣдствѣ“ застало много молодыхъ духоборовъ въ рядахъ арміи, гдѣ они считались даже образцовыми солдатами. Точно также и сами обитатели Духоборіи, поселенные въ дикой мѣстности и среди племень, склонныхъ къ хищничеству, обзавелись оружіемъ, котораго по слободамъ оказалось очень много. Но исходъ судебного дѣла, ссылка Веригина, а затѣмъ начавшіяся преслѣдованія его партіи вновь подняли вопросы духоборческой догматики, тѣмъ болѣе, что Веригинъ въ своей дальней ссылкѣ переживалъ, очевидно, такое же настроеніе.

„Кола—мѣсто холодное и далекое,—писалъ корреспондентъ „Моск. Вѣд.“ въ ноябрѣ 1895 г.,—но тѣмъ серьезнѣе кажется подвигъ паломничества... Установилась живая связь между Кавказомъ и Колой, при чемъ послѣдняя, свободная отъ непосредственнаго воздѣйствія кавказской администраціи, принялась издавать своеобразные законы, вродѣ слѣдующаго: „чиновникамъ взятокъ не давать, водки не пить“... или „нѣтъ

*) 2 п. сб. зак., № 7535 и № 12316.

начальства, кромѣ Бога, не сопротивляйся злу, ближняго не убивай“. А затѣмъ Веригинъ сталъ вегетаріанцемъ, предписывалъ своимъ послѣдователямъ воздержаніе отъ мясной пищи и воспретилъ даже брачное сожитіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Съ этихъ поръ приверженцы Веригина, кромѣ названія „писанныхъ“, приобрѣли еще названіе „постниковъ“. Очевидно, неуспѣхъ въ реальной борьбѣ съ міромъ заставилъ этихъ энергичныхъ людей замкнуться въ приподнятомъ религіозномъ настроеніи, и проповѣдь сосланнаго Веригина встрѣчала благодарную почву.

Авторъ цитированной статьи „Моск. Вѣдомостей“ склоненъ, кажется, приписывать слишкомъ большое значеніе „законодательству изъ Колы“, не замѣчая, что важнѣйшія положенія этой проповѣди представляютъ только обостреніе уже существовавшаго ученія, начинавшаго сглаживаться и теперь обострившагося внезапно подъ вліяніемъ гоненія. Спокойное до тѣхъ поръ общество быстро фанатизировалось, „писанные, постники“ сразу выдѣлились изъ массы. „При проѣздѣ начальства,—сообщалъ тотъ же корреспондентъ,—они не снимаютъ шапокъ. Подати платить они отказались, но при требованіи таковыхъ полиціей—открываютъ общественную кассу и предлагаютъ брать, сколько вздумается. Съ женами уже третій годъ не живутъ, водки не пьютъ. Слѣдовательно,—заключаетъ корреспондентъ,—въ результатъ получился бунтъ (признаки котораго нѣсколько, скажемъ отъ себя, курьезны въ этомъ изложеніи), вся сила котораго—въ его пассивности. Во время предварительныхъ убѣжденій, когда казаки сгоняли народъ на сходки для вразумленія ихъ мѣстнымъ начальствомъ, духоборы только и говорили, что они желаютъ пострадать за вѣру“ *).

И, дѣйствительно, начавшіяся было столкновенія и прямыя сопротивленія стали стихать. Идея „непротивленія“ охватила массу до фанатизма. Побои „противниковъ“ постники сносили съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и кротостью. Такъ, напр., сообщалось въ „Биржев. Вѣдомостяхъ“: „Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, особенно чтимыхъ духоборами ради сосланнаго Веригина, въ селѣ Орловкѣ они собирались на молитву. Во время чтенія псалмовъ на нихъ напали и начали бить ихъ плетьюми, но никто изъ духоборовъ и не думалъ оказывать сопротивленія. Всѣ они упали на колѣни, и слышны были лишь возгласы: „Господи, помоги намъ!“ Расправа эта продолжалась таки долго, и многіе были жестоко избиты“ („Бирж. Вѣд.“ 1895 г., № 220).

* „Моск. Вѣд.“—перепечатка „Волжскаго Вѣстника“, № 300, 1895 г.

Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ фанатическое настроеніе возросло. „Ночь на 29 іюля (т. е. опять-таки на Петра и Павла),—писаль корреспондентъ „Каспія“,—прошла въ Славянкѣ чрезвычайно тревожно. Еще за двѣ недѣли стали ходить слухи, что сторонники Веригина дѣлають какія-то необычайныя приготовленія. Говорили даже, что веригинцы хотять устроить „судъ Божій“, предать себя самосожженію, для чего уже навезли много дровъ и т. д. Съ утра между веригинцами замѣчалось какое-то лихорадочное движеніе, а къ вечеру въ Славянку стали прибывать и веригинцы изъ другихъ деревень: Новотроицкаго, Новогорѣлова и Спасовки... Часовъ около 9 вечера въ юго-западной части Славянки появилось зарево. Оказалось, что веригинцы развели костеръ и сожгли все свое оружіе: ружья, револьверы, кинжалы. Одновременно къ костру направились толпы веригинцевъ. Полиція пыталась остановить шествіе, но безуспѣшно. Веригинцы, числомъ около 1000 человекъ, собрались въ садикѣ, возлѣ котораго былъ разведенъ костеръ, и стали молиться. На другой день они стали являться къ приставу Теръ-Аствацатурову и возвращать билеты, а также свидѣтельства воинскаго присутствія, ссылаясь на то, что убивать людей имъ не велить ихъ ученіе“ *).

Духоборы, мирно отбывавшіе воинскую повинность, стали являться къ своимъ начальникамъ и тоже возвращали оружіе. Уже въ іюль этого же года кавказскій военно-окружной судъ разбираль дѣло 11 рядовыхъ Асландузскаго полка, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ. Однажды, вернувшись съ караула, они положили ружья на нары и сказали капитану Крупенникову: „возьмите оружіе“. Отказъ этотъ они мотивировали шестой заповѣдью „не убій“ и, не смотря на всѣ увѣщанія, настояли на своемъ отказѣ, выражая готовность претерпѣть за это „тѣлесныя муки“. Всѣ они, — прибавляетъ корреспондентъ, — бравые, рослые солдаты, кровь съ молокомъ. Приговоръ суда (дисциплинарный батальонъ) они выслушали спокойно **). За этимъ слѣдовали другіе эпизоды въ томъ же родѣ.

Это проснувшееся послѣ многихъ лѣтъ движеніе въ направленіи отказа отъ военной службы и другія проявленія обострившагося сектантства побудили тифлискаго губернатора лично отправиться въ Ахалкалакскій уѣздъ; сюда же были

*) „Каспій“, перепечатано въ „Сам. Газ.“ 5 августа 1895 года.

**) „Биржев. Вѣд.“ 1895 г., № 201 и „Веч. Листокъ Волгара“ 1895 г., № 187.

присланы 2 сотни казаковъ и нѣсколько ротъ пѣхоты... Однако, все это не произвело желаемого дѣйствія. Въ концѣ концовъ, рѣшено было опять расселить непокорныхъ по разнымъ уѣздамъ, и съ этихъ поръ начался новый періодъ пилигримства. Духоборы оставляли насиженные гнѣзда, наскоро и за безцѣнокъ продавали дома, скотину, имущество, остальное укладывали въ фургоны и отправлялись въ новыя, непривѣтныя мѣста Душетскаго, Сигнахскаго, Тонетскаго и Гурійскаго уѣздовъ. Корреспонденты самыхъ различныхъ газетъ сообщали по истинѣ эпическія черты изъ этихъ странствій. Закаленные трудомъ и жизнью въ горахъ, охваченные неодолимымъ и упорнымъ энтузіазмомъ, духоборы тянулись въ своихъ фурахъ мимо Тифлиса, направляясь на новыя мѣста, вызывая во всѣхъ встрѣчныхъ невольное недоумѣніе и сочувствіе. „Изъ-за горизонта показываются фургоны, — описывалъ одну изъ такихъ партій корреспондентъ „Новаго Времени“. — Всѣ фургоны, числомъ 27, переполнены семействами духоборовъ Ахалкалакскаго уѣзда. Куда они направляются? Что это за движеніе такой массы людей? Подхожу съ вопросомъ къ одному фургону. Ни звука. Къ другому — одинъ нѣмой взглядъ“. Наконецъ, корреспондентъ встрѣчаетъ болѣе общительнаго собесѣдника.

— Право, мы сами не знаемъ, куда насъ выселяютъ, — отвѣтилъ ему старый духоборъ. — Въ нашихъ фургонахъ 35 семей, остальные партіи изъ 7 духоборскихъ селеній ѣдутъ за нами. Бросили дома, бросили все добро... Ёдемъ куда-то...

— Въ чемъ же дѣло?

— Спросите Зубкова и Губанова, они вамъ скажутъ...

Затѣмъ онъ разсказалъ о Лукерѣ Васильевнѣ Калмыковой, объ ея смерти, о наслѣдствѣ и о проигрышѣ этого дѣла (тянувшася 9 лѣтъ!). „Когда не хотятъ принять и разобрать наше справедливое дѣло, — сказалъ старикъ, — то и мы отказываемся исполнять всякое приказаніе начальства“. Вотъ, очевидно, центръ этого настроенія!.. „Хуже не будетъ, — продолжалъ духоборъ... — До сихъ поръ мы исполняли всѣ приказанія начальства, а теперь не пойдѣмъ ни на присягу, ни на военную службу и платить никакихъ повинностей не будемъ... Вы видите нашихъ, въ какомъ они положеніи. Такая же участь ждетъ и остальныхъ 7 селеній (Горѣловка приняла сторону Губанова)... Намъ все равно, куда бы ни сослали. Вездѣ — Богъ, всюду земля...“

„Въ слѣдующее воскресеніе — новая партія въ 107 фургоновъ. Тѣ же отвѣты, тѣ же спокойныя фізіономіи, точно люди собрались на праздникъ. И то же упорство. „Дѣлайте съ

нами, что хотите, мы не уступимъ“... Посмѣваются, но этотъ смѣхъ, точно у приговоренныхъ къ смерти.

„Слѣдующая партія останавливается; хоронять ребенка, при чемъ мѣстные хохлы отказались дать мѣсто покойнику на своемъ кладбищѣ... Вблизи рѣки роютъ могилу, кругомъ столпились женщины и дѣти, мать не можетъ оторвать глазъ отъ мертваго ребенка.

„— Воля Божія,—говорить старый духоборъ,—тамъ били, здѣсь умирають...

„— Развѣ били?

„— Да, думали—мы уступимъ, видя побои стариковъ и дѣтей... Но мы лучше умремъ.

„Богъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ,—пишетъ корреспондентъ:—жители 7 селеній или Зубковъ съ Губановымъ. Но, думаю, слѣдовало бы отнестись къ этому дѣлу болѣе осторожно. Разъ въ теченіе 59 лѣтъ духоборы не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ, то не можетъ быть, чтобы отчаянное ихъ сопротивленіе было совсѣмъ безпричинно“ *).

Разумѣется, это новое переселеніе ничего не разрѣшило, и духоборы обратились съ прошеніемъ о дозволеніи имъ переселиться въ Америку. На это, съ извѣстными ограниченіями, послѣдовало разрѣшеніе, и извѣстія, которыми мы начали эту замѣтку, представляютъ эпилогъ этой печальной исторіи.

Въ газетѣ „Сынъ Отечества“ уже въ концѣ января и въ началѣ февраля появились интересныя „письма изъ Англій“, гдѣ корреспондентъ передаетъ, со словъ канадской газеты „Herald“, подробности перваго появленія духоборовъ у береговъ Новаго Свѣта... Подробности эти отмѣчены опять чисто эпическими чертами, переносящими воображеніе въ какія-то давно прошедшія времена.

„Лица,—пишетъ корреспондентъ,—получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода „Lake Huron“ (приставшаго къ берегамъ Канады),—были свидѣтелями сцены, которую трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближающуюся шлюпку... Когда послѣдняя приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни; духоборы пѣли благодарственный псаломъ, производившій впечатлѣніе могучаго хора, пѣвшаго „Тебе Бога хвалимъ“... Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что русскія слова псалма означали „Богъ съ нами, Онъ сохранитъ насъ“... Слова вполне соот-

*) „Нов. Вр.“, перепеч. „Нижегор. Листка“ 18 сент. 1895 г., № 255.

вѣтствовали обстоятельствамъ, особенно, если принять въ соображеніе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ „Lake Huron“, пришлось немало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время въ океанѣ.

„Зрѣлище было необыкновенно живописное. Вода, блистающая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духобровъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, женщины—въ юбки ярко-краснаго и голубого цвѣта, тяжелые жакеты (?) и цвѣтные голубые платки“.

На пароходъ, вслѣдъ за санитарными чиновниками, проникли представители прессы и др. посѣтители. „Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, не смотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женщина, сильно разнившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

„Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознести благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

„Вслѣдъ за тѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственною рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: „Я провелъ на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверныхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизаци и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада“. Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ

русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ отечествѣ.

„Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посылавшихся на него вопросовъ относительно условій путешествія. Онъ разсказалъ, что погода благопріятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароконныхъ помѣщеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя пароходу бурями.

„Завѣдующій пароконнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большою похвалою о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

„Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно окачивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась духоборка, родившаяся подъ сѣнью британскаго флага. Счастливые родители дали ей имя *Канады*. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

„За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ.

„Пароходъ „Lake Huron“ пробылъ въ пути 29 дней (13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16—отъ Гибралтара до Галифакса)“.

Земля, выбранная духоборами для ихъ поселенія, расположена въ мѣстности, находящейся при скрещеніи границъ Манитобы съ юго-восточнымъ и сѣв.-восточнымъ краями Саскачевана... Второй поселокъ будетъ находиться въ 15 миляхъ отъ перваго, въ сѣверо-вост. Ассинобоѣ. Почва участковъ превосходнаго качества...

Вся эта картина, вдохновляющая даже газетныхъ репортеровъ на такія эпическія описанія, переноситъ воображеніе практичныхъ современныхъ американцевъ къ отдаленнымъ временамъ, когда къ берегамъ Новаго Свѣта съ такими же гимнами приставали пресвитеріане, квакеры и индепенденты... *).

1899 г.

---

*) Къ сожалѣнію, эти идиллическія отношенія впоследствии нарушились: духоборы мечтали о прежней „Духоборіи“ въ Америкѣ, и ихъ суевѣрный страхъ передъ всякими формальными связями съ общественностью новой родины причинилъ не мало хлопотъ обѣимъ сторонамъ (позднѣйшее при-
мѣчаніе).